

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

Комедия

Действующие лица:

Готерниц — венгерский дворянин.

Макер — венгерец.

Дорант — французский офицер, военнопленный.

Софй — дочь Готерница.

Фредерик — венгерский офицер, сын Готерница.

Жакар — швейцарец, лакей Доранта.

Действие происходит в Венгрии.

СЦЕНА I

Дорант, Жакар.

Жакар. Шестное слофо, сутарь, никак не пойму, што за страна, эта Фенгрия; фино сдесь тоброе, люди — злые: отно с тругим как-то не фяжется.

Дорант. Если тебе здесь не нравится, никто тебя не заставляет оставаться. Ты мой слуга, а не военнопленный, как я; можешь уехать, когда хочешь...

Жакар. О! Покитать фас? — ну нет; я не согласен быть более сфоподный, чем мой косподин.

Дорант. Бедняга Жакар, твоя привязанность меня трогает; она утешила бы меня в моей неволе, если бы я мог утешиться.

Жакар. Нефмоготу мне фидеть, што ви фсё печалитесь да печалитесь: пейте, как я, фот сразу и утешитесь.

Дорант. Славное утешение! О Франция, о мое дорогое отечество! Сколь сильно этот варварский край заставляет меня ценить твои достоинства! Увижу ль вновь твою благословенную землю? Наступит ли конец постыдному бездействию, в котором я томлюсь, в то время как славные мои соотечественники пожинают лавры под предводительством моего короля?

Жакар. Ну, ви таки храпро сражались, когда фас брали в плен. Фрагам, што ви тогда побили, пришлось солоней вашего.

Дорант. Знай, Жакар, что в нашем роду слава всегда служила лишь побуждением для новых подвигов. Знай, что с каким бы усердием мы ни исполняли свой долг ради него самого, наше рвение вдвойне возрастает от благородного желания

удостоиться похвалы полководца, сражаясь у него на глазах. Ах, велико счастье всякого, кто сумеет заслужить признание такого полководца и монарха, как мой! И кто, опираясь на свои бранные подвиги, способен лучше оценить мужество и доблесть, чем этот великий государь?

Ж а к а р. Да уш латно, латно: скоро фас осфоподят из плена; косподин фаш отец писал, што он хлопочет об опмене.

Д о р а н т. Да, но срок еще не определен; а король тем временем каждый день одерживает новые победы.

Ж а к а р. Ей-ей, с меня фполне достаточно участвовать в тех, которые его еще ждут впереди. Должно быть, ви уш польшо не флюблен, коли так торопитесь уехать.

Д о р а н т. Влюблен! В кого?.. *(В сторону.)* Неужели он про-ник в тайну моей любви?

Ж а к а р. Ну фот! Да в эту девицу Клару, в хорошенькую дочку нашего хозяина, перед которой ви так рассыпаетесь в вешностях. *(В сторону.)* О, я еще много о чем догатываюсь, но не надо потафать и фида.

Д о р а н т. Нет, Жакар, любовь, в которой ты меня подозре-ваешь, никак не может умерить моего страстного желания вер-нуться во Францию. Для любви равно хороши все страны. На свете множество красавиц, достойных поклонения тысячи взды-хателей, но отечество, которому служишь — одно.

Ж а к а р. Фот, кстати, по повоту красавиц: ви знаете, што наш группян хозяин шенится послезафтра на дочери косподина Котерница?

Д о р а н т. Как! Что ты говоришь?

Ж а к а р. Гофору, што сфатьба косподина Макера и мам-зель Софи, которую отклатыфали до восфращения брата этой парышни из плена, состоится через дфа дня, потому што его опменяли раньше, чем предполагалось, и он приевшает се-годня.

Д о р а н т. Жакар, что ты говоришь? Откуда ты знаешь?

Ж а к а р. Клянусь честью, я только што услышал об этом, распивая пугылочку с хозяйским лаксем.

Д о р а н т *(в сторону.)* Постараюсь скрыть свое волнение... *(Громко.)* По моему расчету, гонец уже должен был прибыть; поди погляди, нет ли для меня вестей?

Ж а к а р *(в сторону.)* Шерт! Фидать, моя новость ему не по вкусу. *(Возвращаясь.)* Косподин, мне невдомек, а в какой это лавчонке узнают такие вести?

Д о р а н т. Ты просто спроси у мадемуазель Клары. Чтобы воих писем не вскрывали на почте, она любезно согласилась получать их по условленному адресу и потихоньку передавать мне.

СЦЕНА II

Дорант.

Дорант. Какой удар для моей любви! Итак, все кончено, обожаемая Софи; я осужден лишиться вас навеки, а вы станете добычей богатого, но смешного и грубого старика! Увы! Я еще не слышал признания, но все мне возвещает нежнейший с вашей стороны ответ! И хотя несправедливое предубеждение ее отца против французов уже должно было явиться неодолимым препятствием для моего счастья, однако потребовалось еще это известие, дабы укрепить меня в стремлении безотлагательно вернуться во Францию. Мои пылкие порывы, об этом стремлении свидетельствующие, — не есть ли они скорее сознание долга, возбужденное усилиями ума, нежели плод вполне искреннего рвения? Но что я говорю! Ах! Пусть слава не ропщет; столь прекрасное чувство не создано ей во вред: сердце никогда не принадлежит всецело одной только любви, и во всяком случае оно не ставит поклонение своей возлюбленной превыше всего, если колеблется между нею и долгом перед своей родиной и королем.

СЦЕНА III

Макер, Дорант, Готерниц.

Макер. А, вот и пленный, что находится у меня под присмотром! Надо предупредить его, как он должен вести себя с моей невестой; а то эти французы, которые, говорят, не слишком-то внимательны к своим женам, весьма ловко умеют подладиться к чужим; но у себя я не допущу подобных штук и уж по крайней мере желаю быть уверенным, что мои дети произошли от меня.

Готерниц. У вас довольно странное понятие о моей дочери.

Макер. Бог мой! Вовсе не такое странное. Моя, мне кажется, вполне его заслуживает; и если... но довольно... Сеньор Дорант!

Дорант. Что вам угодно?

Макер. Вы знаете, что я женюсь?

Дорант. Какое мне до этого дело?

Макер. А вот какое: мне надобно поставить вас в извест-

ность, что я не намерен позволять моей жене жить на французский манер.

Д о р а н т. Тем хуже для нее.

М а к е р. Ну и пусть, зато тем лучше для меня.

Д о р а н т. Как сказать.

М а к е р. О! Вашего мнения об этом не спрашивают: я только вас уведомляю, что мне неуютно видеть вас подле нее, и я просил бы не давать мне поводов сомневаться в ее поведении.

Д о р а н т. Это более чем законно, и вы будете удовлетворены.

М а к е р. А, хоть раз-то он согласен уступить — какое чудо!

Д о р а н т. Но я рассчитываю, что и вы, с своей стороны, сколько нужно тому поможете.

М а к е р. О, разумеется, я не премину внушить моей жене, чтоб она избегала вас елико возможно.

Д о р а н т. Избегала меня! Упаси вас бог. Я не то хотел сказать.

М а к е р. Как?

Д о р а н т. Напротив, это вы не должны следить за тем, как я провожу с нею время. Я буду ухаживать за ней как можно более скромно; а вы, как благоразумный муж, будете замечать лишь то, что вам нравится.

М а к е р. Черт возьми! Да вы смеетесь; это вовсе не входит в мои расчеты.

Д о р а н т. Тем не менее это все, что я могу вам обещать; более того, это все, о чем вы меня просили.

М а к е р. Тьфу ты пропасть! Он норовит меня перехитрить; нужно быть чертовски приверженным к чужим женам, чтобы без стеснения держать такие речи в присутствии мужей.

Г о т е р н и ц. По правде, сеньор Макер, ваши рассуждения вызывают во мне жалость, а ваш гнев попросту смешон. Какой ответ от господина Доранта желали бы вы получить на столь нелепое требование? Самые его слова являются доказательством чистоты его намерений; если б он хотел вас обмануть, разве он сделал бы вас своим confidentом?

М а к е р. Мне наплевать на все; дурак, кто ему поверит. Я не желаю, чтоб он ходил к моей жене, и наведу у себя в доме порядок.

Д о р а н т. В добрый час; но так как я ваш пленник, а не раб, то не посетуйте, если при всяком удобном случае я буду оказывать ей знаки внимания, которое мой пол обязан воздавать ее полу.

М а к е р. Черт побери! Все эти знаки внимания к жене ведут лишь к посрамлению мужа. Я наконец теряю терпение... Посмотрим... Посмотрим... Вы смелы, господин француз; но, клянусь, я буду смелее вас.

Дорант. У себя дома, может быть, но чтоб вы были особенно смелы на поле брани, мне верится с трудом.

Готерниц. Потихе, сеньор Дорант; он ведь принадлежит к такой нации...

Дорант. Да, хотя истинное мужество и неотделимо от великодушия, я умею оценить храбрость вашей нации, несмотря на всю ее жестокость. Но это дает ли ему право оскорблять солдата, который уступил лишь численному превосходству и, надеюсь, выказал довольно отваги, чтобы его уважали даже в постигшем его бедствии?

Готерниц. Вы рассуждаете справедливо. Храбрость, не менее чем победу, пристало венчать лаврами. И мы сами, уступая победоносным войскам вашего короля, тем не менее почитаем себя героями, ибо доблесть, которую ему приходится проявлять, свидетельствует о той, какую мы выказываем, защищаясь. Но вот и Софи.

СЦЕНА IV

Готерниц, Макер, Дорант и Софи.

Готерниц. Приблизьтесь, дочь моя; идите приветствовать вашего супруга. Не правда ли, вы с радостью принимаете мой выбор?

Софи. Когда бы мне повелевало сердце, оно не сделало бы иного.

Макер. Прекрасно, моя милочка; однако... *(Доранту.)* Как! Вы не уходите?

Дорант. Разве вы не должны чувствовать себя польщенным тем, что мое восхищение подтверждает верность вашего вкуса?

Макер. Я выбрал жену не для вас и потому не вижу особой нужды в вашем одобрении.

Готерниц. Мне кажется, это препирательство слишком затянулось и перестает быть похожим на шутку. Вы видите, сударь, сеньора Макаера беспокоит ваше присутствие; кавалерс такой внешностью, естественно, внушит тревогу даже самому рассудительному из супругов.

Дорант. Что ж! Надо избавить его от неудобного зрителя: мне так же невыносимо зрелище столь неравного союза. Ах, сударь, как сами-то вы можете допустить, чтобы такое совершенство сделалось достоянием человека, так мало способного его оценить?

СЦЕНА V

Ма кер, Го тер ни ц, Со фи.

Ма кер. Черт возьми! Это нация из ряду вон, пленники на редкость неудобные! Лакей пьет мое вино, господин любезничает с моей дочерью. *(Софи делает недовольную мину.)* Живут у меня, как в завоеванной стране.

Го тер ни ц. Для французов такая жизнь самая обычная; они к ней вполне привыкли.

Ма кер. Ничего себе извинение. Уж не прикажете ли мне — во внимание к их обычаю — радоваться, когда он сделает меня рогоносцем?

Со фи. О небо, что за человек!

Го тер ни ц. Я настолько же оскорблен вашими словами, насколько моя дочь ими возмущена. Знайте, что муж, не оказывающий жене ни уважения, ни доверия, тем самым разрешает ей и не стараться заслуживать их перед ним. Но время идет; пора седлать мне лошадь и поспешить навстречу сыну, который должен приехать сегодня вечером.

Ма кер. Я не хочу с вами разлучаться; если разрешите, я поеду с вами.

Го тер ни ц. Извольте, к тому же мне многое надо вам сказать, вот мы и побеседуем дорогой.

Ма кер. Прощайте, милочка, мне не терпится скорей жениться, чтобы повести вас посмотреть мои луга и мой рогатый скот; у меня самые лучшие стада во всей Венгрии.

Со фи. Сударь, эти животные внушают мне ужас.

Ма кер. Ну, ну, моя цыпочка, со мной ты к ним скоро привыкнешь.

СЦЕНА VI

Со фи.

Со фи. Что за супруг! Какая разница между ним и Дорантом, в котором очарование влюбленности удваивается приятностью манер и обращения! Но увы! ему не быть моим! Мое сердце едва смеет признаться, что оно его любит, и я могу только хвалить себя, что не открылась ему. Если б еще Дорант был мне верен — доброта отца, несмотря на всё его предубеждение и данное им слово, оставила бы мне какой-то проблеск надежды. Но дочь Макара разделяет любовь Доранта, он, наверное, говорит ей те же слова, что и мне; быть может, она единственная, кого он любит. О, ветреные французы, к счастью

женщин, ваши неверности настораживают их против ваших обольщений! Будь вы столь же постоянны, сколь любезны, какие сердца могли бы устоять против вас? Вот он. Я хотела бы бежать, но не могу на то решиться; хотела бы явиться пред ним спокойной, но чувствую, что не сумею скрыть своей досады, так сильно я его люблю.

СЦЕНА VII

Дорант, Софи.

Дорант. Итак, это правда, сударыня: моя гибель решена, и я теряю вас безвозвратно! Несомненно, я умер бы от этого, будь смерть жесточайшим из страданий. Отныне я живу для того лишь, чтобы дольше хранить вас в своем сердце, чтобы доблестью и постоянством снискать уважение ваше и быть достойным ваших сожалений.

Софи. Возможно ли, чтобы коварство прикрывалось языком благородства и страсти?

Дорант. Что слышу я? Так-то вы меня встречаете, таким-то состраданьем награждаете мои чувства?

Софи. Ваше горе действительно велико, судя по тому, как старательно вы запаслись утешениями.

Дорант. Я, утешениями! Да существуют ли они для того, кто утратил вас, Софи?

Софи. Иными словами, нужны ли они вообще?

Дорант. Что? Прекрасная Софи, как вы решаетесь?

Софи. Приберегите, прошу вас, фамильярность этих выражений для прекрасной Клары и знайте, что Софи, какой бы она ни была — прекрасной или безобразной, — очень мало заботится о том, какова она в ваших глазах, ибо считает вас плохим судьей и в красоте, и в душевных качествах.

Дорант. Степень моего уважения к вам и место, какое вы занимаете в моем сердце, являются речательством противного. Как! Вы поверили, что я влюблен в дочь Макера?

Софи. По правде, нет. Я не могу оказать вам честь и признать ваше сердце созданным для любви. Вы, как и все молодые люди вашей страны, — человек, убежденный в своих совершенствах, считающий, что назначение его — обманывать женщин и разыгрывать перед ними любовь, которую испытывать он не способен.

Дорант. Ах, может ли быть, чтобы вы ставили меня в один ряд с любезниками, у коих нет ни чувства, ни нежности, — и все из-за какой-то пустой болтовни, которая сама показывает, что мое сердце в ней не участвует и вполне принадлежит вам одной?

Софи. Такой довод кажется мне очень странным. Любопытно было бы обучиться всем этим тонким уловкам французской философии.

Дорант. Да, я призываю в свидетельство искренности моих чувств то самое поведение, которое вы ставите мне в упрек. Это верно: я говорил другим пошлые любезности; я с ними дурачился, но эта болтовня и игривость — составляют ли они язык любви? Таким ли способом я изъяснялся с вами? Это робкое обращение, это волнение, эта учтивость, эти тихие вздохи, эти сладкие слезы, эти восторги, которые вы мне внушаете, — имеют ли они что-либо общее с манерой небрежного ухаживания, какую вежливость и светский обычай вынуждают нас принимать с женщинами, нам безразличными? Нет, Софи, смешки и веселость совсем не есть язык чувства. Истинная любовь не дерзка и не легкомысленна; робость делает ее осмотрительной; она не отваживается на многое, зная, что может потерять; и так как сердце любимой особы для нее дороже сближения, она не поставит на карту честь возлюбленной, чтобы добиться обладания.

Софи. Словом, это значит, что, довольствуясь одним нежным чувством к своим возлюбленным, вы любезны, шутливы и предприимчивы с женщинами, которых вовсе не любите. Вот, можно сказать, верность и житейские правила в новом вкусе, весьма удобные для кавалеров; не знаю только, так же ли довольны ими и красавицы вашей страны.

Дорант. Да, сударыня, это взаимно, — во всяком случае они в той же мере, как и мы, стремятся их поддерживать.

Софи. Вы заставляете меня трепегать за женщин, способных отдать свое сердце обожателям, воспитанным в подобной школе.

Дорант. О, к чему эти напрасные страхи? Разве не признано всеми, что любезное и галантное обхождение, которое вносит в общество столько приятности, вовсе не есть любовь? Это всего лишь украшение. Число сердец, истинно созданных для любви, так невелико, и среди них столь немногие находят друг друга, что жизнь скоро бы замерла, если бы остроумие и любовные шалости не заменяли иной раз сердца и чувства. Женщины отнюдь не обманываются насчет фривольных чудачеств, в которых мужчины изощраются перед ними. А мы так же относимся к их кокетству: они дразнят лишь наше воображение. Это честная сделка, в которой каждый остается самим собой. Но, к стыду сердца, надо признаться, что беззаботная болтовня часто вознаграждается лучше, нежели самые трогательные проявления пламенной и искренней любви.

Софи. Вот мы и пришли именно к тому, к чему я клонила. Вы меня любите, говорите вы, глубоко и безраздельно; все про-

чее — капризы настроенья: я это допускаю; я верю этому. Но все же мне хотелось бы понять, какого рода удовольствие вы находите в пустом волокитстве за другими жепщинами и в попытках добиться от них того, что является наградой истинной любви?

Дорант. Ах, сударыня! Как не вовремя вы вовлекаете меня в эти словопренья! Увы! Я вас теряю, а вы хотите, чтобы мои мысли были заняты чем-то другим, кроме моего горя!

Софи. Вы слишком поздно спохватились. Надо было сделать это раньше или не делать вовсе.

СЦЕНА VIII

Дорант, Софи, Жакар.

Жакар. Пст, пст, сутарь, сутарь!

Дорант. Меня, кажется, зовут.

Жакар. А! Коли вы ко мне не идете, так я подойду сам.

Дорант. Ну, что такое?

Жакар. Вот, сутарь, тут маленький записка, с позволения госпожи.

Дорант. Что? Письмо?

Жакар. Так точно.

Дорант. Подай его.

Жакар. Еще чего! ну нет. Мамзель Клара велел мне отдавать его только под большой секретность.

Софи. Господин Жакар послушен, он хочет исполнить ее приказ.

Дорант. Подай, подай, дурак; ты секретничаешь невпопад.

Софи. Пожалуйста, не беспокойтесь. Я не навязчива и удалюсь — я понимаю ваше нетерпенье.

СЦЕНА IX

Софи, Дорант.

Дорант (*в сторону*). Письмо моего отца дает ей повод к новым подозреньям, и вместе с тем оно явилось как раз кстати, чтоб их рассеять. (*Громко.*) Что это, сударыня! Вы покидаете меня?

Софи (*насмешливо*). А разве вы расположены посвящать меня в свои тайны?

Дорант. Мои секреты недостаточно вам интересны, чтоб вы стремились в них проникнуть.

Софи. Напротив, это для вас они слишком дороги, и вам не хочется их разглашать.

Дорант. Я поступил бы неразумно, если б охранял их бережней, нежели свое сердце.

Софи. Потому-то вы и то и другое храните в одном месте!

Дорант. Причиной этому лишь ваше нерасположение ко мне.

Софи. В подобном хладнокровии таится злость, за которую меня берет охота вас наказать. Вы попали бы в весьма затруднительное положение, если б, поймав вас на слове, я попросила передать мне содержание письма.

Дорант. Я только очень бы удивился. Вам так приятно питать ко мне дурные чувства, что бесполезно стараться их побороть.

Софи. Вы слишком полагаетесь на мою скромность... вижу, мне надо прочесть письмо — это единственное средство смутить вашу самонадеянность.

Дорант. Прочтите, чтоб убедиться в своей неправоте.

Софи. Нет, читайте сами, так я лучше позабавлюсь вашим смущеньем.

Дорант. Посмотрим. *(Читает.)* «Какое счастье, мой дорогой Дорант...»

Софи. «Дорогой Дорант!» Выраженье, признаться, довольно пылкое.

Дорант. «Какое счастье, мой дорогой Дорант, что я могу положить конец вашим испытаниям!»

Софи. О, не сомневаюсь, к вам питают столько сострадания!

Дорант. «Наконец-то вы освобождаетесь от оков, в которых вы томились...»

Софи. Вот я-то уж не стала бы томиться на вашем месте!

Дорант. «Поспешите со мной свидеться...»

Софи. Это называется изнемогать от нетерпенья.

Дорант. «Горю желанием обнять вас...»

Софи. Конечно, всего удобнее без обиняков сказать, о чем мечтаешь...

Дорант. «Вы обменены на молодого офицера, который нынче отправляется туда, где вы находитесь».

Софи. Я что-то перестала понимать.

Дорант. «Опасно раненный, он был захвачен в плен в том деле, в котором мы принимали участие...»

Софи. Мадемуазель Клара участвовала в каком-то деле!

Дорант. Причем тут мадемуазель Клара?

Софи. Как! это письмо не от нее?

Дорант. Да вовсе нет; оно от моего отца, и мадемуазель Клара служила лишь посредницей при передаче его мне; взгляните на число и подпись.

Софи. Ах, я дышу свободней!

Дорант. Слушайте дальше. *(Читает.)* «Я имел счастье врачебной помощью и уходом спасти его жизнь; я встретил в нем горячую благодарность и не могу нарадоваться, что оказал ему эти услуги. Надеюсь, что, познакомившись, вы разделите мою к нему приязнь и засвидетельствуете ему ее».

Софи. Судьба этого офицера так похожа на... Ах, если б это был он!.. Мои сомнения разрешатся сегодня вечером.

Дорант. Прекрасная Софи, вы видите свою ошибку. Но какая мне польза в том, что вы убедились в несправедливости своих подозрений? Буду ли я вознагражден в меру своей верности?

Софи. Напрасно было бы мне долее скрывать от вас тайну моего сердца; моя досада слишком ясно выдала ее; вы видите, как я вас люблю, и должны ценить мое признание по тем усилиям, которых оно мне стоило.

Дорант. О, дивное признание! Но зачем мгновенья, столь сладостные, отравлены тревогой, и мое чувство, в тот самый день, когда его вы разделили, должно сделаться предметом сугубых сожалений?

Софи. Препятствия могут быть не так велики, как вы думаете. Разве любовь тотчас теряет мужество? И когда любишь настолько, чтоб все испробовать, разве не отыщешь средств достигнуть счастья?

Дорант. Обожаемая Софи! Каким восторгом вы наполняете меня! Боже! ваша доброта... я мог бы... О жестокая! вы обещаете мне больше, нежели готовы выполнить!

Софи. Я? — Я ничего не обещаю. Какое быстрое у вас воображение! Боюсь, что мы не поняли друг друга.

Дорант. Как!

Софи. Печальный брак, которого я так страшусь, решен не столь бесповоротно, чтоб я не могла льстить себя надеждой на отсрочку; продлите ваше пребыванье здесь до тех пор, пока мир или обстоятельства более благоприятные не рассеют предубеждений, настраивающих моего отца против вас.

Дорант. Вы видите, с какой настоятельностью меня зовут на родину: возможна ли излишняя поспешность там, где надо загладить праздность своего невольного рабства? О! Если суждено, чтобы любовь вынуждала меня пренебречь заботой о моей репутации, разве довольно для того тех сомнительных надежд, которыми вы меня ласкаете? Пусть по крайней мере уверенность в счастье сделает мою вину простительной! Согласитесь, чтобы тайные узы...

Софи. Что вы осмелились мне предложить? Разве пылко влюбленное сердце столь небрежно обходится с доброй славой той, кого оно любит? Вы жестоко меня оскорбляете.

Дорант. Я предвидел ваш ответ, а вы мне диктуете мой. Принужденный выбирать между несчастьем и бесчестьем, я во имя безумной страсти жертвую блаженством ради долга, ибо, только теряя вас, я становлюсь достойным вами обладать.

Софи. Ах, как удобно щеголять высокими правилами, когда сердце не хочет за них бороться! Среди стольких обязательств, требующих выполнения, — неужто узы любви вовсе не идут в счет? И неужели одно тщеславие побудило вас искать моей взаимности, дабы насладиться моими сетованиями?

Дорант. Я ждал сострадания, а получил одни упреки! Вы имеете, уввы, чересчур большую власть над моим чувством долга, и мне надо бежать от вас, чтобы вам не уступить. Любезная Софи, слишком достойная обитать в лучших краях, благоволите принять прощальный привет влюбленного, который лежал бы у ваших ног, если бы мог сохранить ваше уважение, погубив свою славу ради любви. *(Целует ее.)*

Софи. Ах, что вы делаете?

СЦЕНА X

Макер, Фредерик, Готерниц, Дорант, Софи.

Макер. Ого! Вот это невеста так невеста! Уж очень вы прытки! Как видно, вы с этим господином налаживаете свадьбу? Клянусь, я весьма ему обязан. Ну, тесть, что скажете о своем милом детище? Ох, черт возьми! Я бы не прочь увидеть хоть вдесятеро больше, только бы отучить вас от доверчивости.

Готерниц. Софи, можете вы мне объяснить, что значит это странное поведение?

Дорант. Объяснение самое простое; я только что получил известие, что в обмен за меня прислали французского пленника, и потому пришел проститься с мадемуазель, которая так же, как и вы, сударь, была очень добра ко мне во время моего пребывания здесь.

Макер. Да уж куда добрее! Все понятно!

Готерниц. Право, сеньор Макер, — не вижу причины подымать такой шум из-за обычной церемонии прощания.

Ма кер. А мне эти французские церемонии совсем не по душе.

Фредерик. Возможно, но моя сестра пока еще вам не жена, и уж ваши-то церемонии, полагаю, вряд ли внушат ей желание выходить за вас замуж.

Ма кер. Черт возьми, сударь! Пребывание во Франции, должно быть, научило вас рукоплескать всем этим женским глупостям, но знайте, что Жан-Матис Макер никогда не станет своими поблажками потворствовать такому своеволью.

Фредерик. Я этому охотно верю.

Дорант. Должен признаться, сударь, что, увлеченный как прелестью, так равно и душевными качествами вашей очаровательной дочери, я почел бы высшим блаженством соединить с нею свою судьбу, когда б жестокое предубеждение, внушенное вам против моей нации, не воздвигало неодолимого препятствия счастью моей жизни.

Фредерик. Отец, это, наверно, один из ваших пленных?

Готерниц. Это тот офицер, на которого вы обменены.

Фредерик. Как? Дорант?

Готерниц. Он самый.

Фредерик. Ах, с какою радостью обниму я сына моего благодетеля!

Софи (обрадованно). Это был мой брат, я угадала.

Фредерик. Да, сударь, я обязан жизнью вашему батюшке, и мне было бы отрадно доказать вам свою признательность и дружбу какой-либо услугой, достойной тех забот, какими он осыпал и меня.

Дорант. Исполнив долг человеколюбия по отношению к дворянину ваших достоинств, отец мой должен почитать себя счастливым еще больше, нежели вы. В то же время, сударь, вам известны чувства, которые я питаю к сестре вашей; соблаговолите оказать покровительство моему чувству, и вы сторицей оплатите за все, чем вы обязаны, ибо обеспечить счастье честного человека важнее, нежели спасти ему жизнь.

Фредерик. Мой отец разделяет мои обязательства, и, надеюсь, что, разделяя также и мою благодарность, он не уступит мне в горячем желании вам ее доказать.

Ма кер. Похоже, однако, что я играю во всем этом довольно-таки смешную роль.

Готерниц. Признаюсь, сын мой, я заметил некоторую склонность сеньора к вашей сестре; но, желая предупредить возможное с его стороны объяснение, я при всяком удобном случае так усердно выказывал недоброжелательство, разъединяющее наши нации, что он не решался до сих пор на по-

ступки, бесполезные со стороны врага, с которым, чем бы я ему ни был обязан, я не могу и не должен вступать в какую-либо связь.

Ма кер. Без сомнения, а мадемуазель виновна в оскорблении ее величества, пытаюсь отнять у королевы ее пленника.

Готерниц. Наконец я стою на том, что с этой нацией, безусловно, лучше не иметь никакого дела: они слишком гордые друзья и слишком опасные враги, и потому счастлив тот, у кого нет с ними счетов!

Фредерик. Ах, отец, оставьте свои несправедливые предубеждения! Как жаль, что вам не довелось узнать этот ненавистный вам, но столь любезный народ, который, быть может, не имел бы ни одного недостатка, если бы не обладал столькими добродетелями. Я наблюдал ее вблизи, эту счастливую и блестящую нацию; я видел ее миролюбивой в разгар войны, насаждающей науки и искусства, одаренной той очаровательной мягкостью характера, которая во всякое время побуждает ее одинаково хорошо принимать все народы мира и делает Францию в некотором смысле общим отечеством для всего человеческого рода. Для французов все люди братья. Война одушевляет их мужеством, не разжигая в них злобы. В яростном пылу боя они не проникаются к неприятелю ненавистью, и глупое тщеславие не внушает им презрения к нему. Они благородно сражаются, не клеветая на действия врага, не оскорбляя его славы — и, в то время как мы воюем против них с ожесточением, они довольствуются тем, что дерутся с нами, как герои.

Готерниц. Да, нельзя отрицать, что они выказывают себя более человечными и великодушными, нежели мы.

Фредерик. О! Откуда же им быть иными? Ведь они живут под владычеством монарха, доброта коего равняется его отваге. Если победы этого короля внушают страх, то разве его добродетели должны вызывать у нас меньшее восхищение? Грозный завоеватель, он во главе своих армий кажется нежным отцом среди своих чад и домочадцев; и, вынужденный укрощать спесь противников, он покоряет их для того лишь, чтобы увеличить число своих детей.

Готерниц. Да, но приличествует ли этому государю при всей его храбрости прибегать к лукавству, не ограничиваясь покорением врагов силой, и обольщать, как он это делает, сердца иностранцев и военнопленных?

Ма кер. Фи, как это дурно с его стороны — сбивать с толку чужих подданных! Ну что ж, коли он так поступает, то, по моему, надо сурово наказывать всех наших, позволяющих себе хорошо о нем отзываться.

Фредерик. Но тогда придется карать всех воинов, кото-

рые поадут к нему в плен, и я предвижу, что это будет задача нелегкая.

Дорант. О мой государь, как сладостно мне, что твоя доблесть исторгает хвалу из уст твоих врагов! Вот единственная достойная тебя награда.

Готерниц. Нет, распря не должна быть нам помехой в признании истинных заслуг. Я сознаюсь даже, что общение с нашими пленными совершенно переменяло мое мнение относительно их нации; но примите во внимание, сын мой, что я дал слово и поступлю очень худо, ежели соглашусь на союз, противный нашим обычаям и убеждениям; и, уж если говорить начистоту, то женщина никогда не может с полной уверенностью положиться на сердце француза, и мы не будем спокойны за счастье вашей сестры, соединив ее с Дорантом.

Дорант. Мне кажется, вы сами хотите моей победы, государь, ибо нападаете на меня с самой сильной моей стороны. Ведь не в себе самом надлежит мне искать основания, которые уверили бы любезную Софи в моем постоянстве, — поручкой в нем служат собственное ее обаяние и достоинства. Не все ли равно, в каких краях она поселится? Она будет царствовать везде, где у людей есть глаза и сердце.

Фредерик. Ты слышишь, сестра моя? Это значит, что если он когда-нибудь окажется неверным, то в его стране ты найдешь способ вознаградить себя.

Софи. Вы лучше употребили бы время, ходатайствуя за него перед моим отцом, чем растолковывая мне его мысли.

Готерниц. Видите, сеньор Макер, они все объединились против нас; нам придется иметь дело с слишком сильной стороной; не лучше ли уступить добровольно?

Макер. Что это значит? Как можно нарушать слово, данное такому человеку, как я?

Фредерик. Да, можно, если предпочитаешь другого.

Готерниц. Заручитесь согласием моей дочери — своего я назад не беру; но приневоливать ее я вам не обещал. Кроме того, говоря откровенно, ни для нее, ни для вас я уже не вижу ничего хорошего в этом союзе; вы питаете сомнения насчет Доранта, которые могут стать источником взаимных недоразумений между нею и вами. Слишком трудно жить в мире с женой, когда подозреваешь, что ее сердце отдано другому.

Макер. Ого, как вы заговорили! А, черт побери! Я вам покажу, как насмеяться над людьми. Сейчас же пойду подать жалобу на вас и на него: мы маленько проучим этих самоуверенных господ, что являются отнимать у нас невест в собственной нашей стране; и если мне не удастся отомстить иначе, то уж по крайней мере я вволю натешусь такими рассказами про вас и про французов, что небу будет жарко.

СЦЕНА XI

Готерниц, Дорант, Фредерик, Софи.

Готерниц. Оставим его: пусть изливается в бесполезных жалобах; соединяя Софи с Дорантом, я удовлетворю одновременно и отцовскую любовь и выкажу свою признательность; при чувствах, столь законных, мне нечего бояться чьего-либо осуждения.

Дорант. О сударь, в какой восторг вы меня приводите!..

Фредерик. Отец, нам остается сделать еще самое главное. Надо получить согласие моей сестры, и тут я предвижу большие затруднения; выйти замуж за Доранта и уехать во Францию! Софи никогда на это не решится.

Готерниц. Как так! Или Дорант ей не по нраву? В таком случае я должен предположить, что она изменилась к нему.

Фредерик. Разве вы не видите, как она гневается на меня за то, что я лишил ее сеньора Жана-Матиса Макера?

Готерниц. Для нее не тайна, сколь любезны французы.

Фредерик. Нет; но она знает также, что француженки еще любезнее, и это-то и приводит ее в ужас.

Софи. Вовсе нет, ибо я постараюсь стать такой же любезной, как они; и, пока я мила Доранту, я буду почитать себя самой неотразимой из всех женщин.

Дорант. Ах! Вы будете ею вечно, прекрасная Софи! В вас воплощается все, что есть для человека самого дорогого. Добродетели моего отца, доблести моей нации и славе моего короля — вот чему я обязан блаженством, которым буду наслаждаться с вами. Более светлых предзнаменований для счастья не бывает на земле.